

Секция «16.8 История новейшего времени стран Европы и Америки»

**Форма фашизма или продолжение «Пруссии»? Дискуссия о сущности
национал-социализма во Франции начала 1930-х гг.**

Научный руководитель – Романова Екатерина Владимировна

Каркашова Светлана Алексеевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра новой и новейшей истории, Москва, Россия

E-mail: svetlana99kar@gmail.com

Приход к власти в Германии национал-социализма спровоцировал своеобразную «встречную» эволюцию двух частей французского общества: левые, которые всё предыдущее десятилетие поддерживали идеи примирения с Германией, стали выступать за жесткий курс в отношении «германского фашизма», в то время как правые, напротив, смягчили свою антигерманскую риторику, превратившись в сторонников диалога с Германией. Однако эти изменения происходили постепенно и стали заметны только во второй половине 1930-х гг. [7] Немедленная реакция французского общества на установление нацистской диктатуры в Германии представляет большой интерес тем, что она основывалась не на опыте непосредственного столкновения с Третьим Рейхом и его внешней политикой, а на достаточно теоретических представлениях французов о сущности национал-социализма как явления.

Цель работы – показать, каковы были основные различия в восприятии национал-социализма у французских правых и у левых, а также продемонстрировать, как две концепции сущности нацизма влияли на представления французов об опасности нового режима в Германии для мира в Европе. Деление на «правых» и «левых» здесь представляет собой большое упрощение сложной политической жизни Третьей республики, однако для удобства анализа оно имеет право на существование.

Французские правые рассматривали национал-социализм как прямое продолжение «Пруссии». Со времени франко-прусской войны все самые негативные представления о немцах часто связывались во Франции не с немцами как таковыми, а с пруссаками, и именно Пруссии и пруссакам приписывались милитаризм, преклонение перед силой и государством, жестокость, грубость и варварство – те черты, которые составили образ «боша», использовавшийся французской пропагандой в годы мировой войны [1, 4, 6, 8]. И если французские левые полагали, что в Веймарской республике существуют демократические силы, которые искренне желают примирения с Францией, то правые даже в самые лучшие времена франко-германских отношений, в эпоху А. Бриана и Г. Штреземана, относились к Германии с большой настороженностью и считали, что подавляющее большинство немцев жаждет реванша и использует риторику примирения с Францией только в качестве политического маневра, прикрывающего истинную цель – ревизию Версальского договора [6].

Сознательное подчеркивание Гитлером преемственности между Германской империей и национал-социализмом только утверждало правых в их убеждении, что нацизм – это порождение немецкого духа. День Потсдама, торжество, организованное НСДАП в марте 1933 года по случаю открытия нового рейхстага, вызвал у правого толстого журнала «Ревю де де монд» следующий комментарий: «Завоевание Германии Пруссией завершено. «Дух Потсдама» – это одновременно дух прусский, немецкий и пангерманистский. ... Церемония в Потсдаме превратилась в торжественное открытие Третьего Рейха» [9].

Правые были склонны проводить границу между нацизмом и фашизмом, подчеркивая, что сходство между двумя режимами – исключительно внешнее, и Третий Рейх – не

адаптация фашистской идеологии на немецкой почве, а квинтэссенция самого германского духа. И нацизм представлялся правым более опасным, чем итальянский фашизм, ведь последний не был направлен на реванш против Франции [7].

Государственный антисемитизм нового режима не прошел незамеченным для французов, и вызвал нечто похожее на шок в Третьей республике, политическая культура которой во многом была сформирована «делом Дрейфуса». Определение «расистская партия» широко использовалось во Франции в качестве синонима для НСДАП. Но правые полагали, что для Франции антисемитизм Третьего Рейха даже выгоден: он покажет истинное лицо Германии всему миру, и обеспечит Третьей республике симпатии Великобритании и США, которых ей так не хватало. Именно в этот момент проходила Женевская конференция по разоружению, и Франция, с её самой большой континентальной армией в Западной Европе, часто становилась мишенью для обвинений в милитаризме [11]. Правые полагали, что перед лицом роста угрозы со стороны Германии Франция должна оставить мысли о разоружении и укреплять связи со своими союзниками.

Французские левые, особенно социалисты, писали о том, что нацизм – это немецкая версия фашизма [5, 7]. А фашизм Леон Блюм, глава СФИО, еще в 1931 году называл основной угрозой миру [3]. Однако ответом на установление диктатуры в Германии, по мнению левых – социалистов и левого крыла партии радикалов и радикал-социалистов, – не должны были стать попытки изоляции Третьего Рейха, создания общего фронта антифашистских стран или укрепления французских союзов. Левые опасались, что такая политика неизбежно приведет к формированию в мире двух противоборствующих блоков, подобных тем, которые появились в Европе в начале века и стали причиной мировой войны. В начале 1920-х годов именно международная изоляция послужила толчком к подписанию Рапальского договора и началу сотрудничества двух изгоев – Германии и Советской России. Международная изоляция Третьего Рейха могла дать тот же результат. При этом союз Италии и Германии, диктатур с общим идеологическим фундаментом, казался даже более вероятным, чем сближение демократической и капиталистической Веймарской республики с Советским Союзом, коммунистической диктатурой [2].

Левые считали, что политика Франции должна быть направлена на предотвращение появления в Европе блока стран, недовольных европейским статус-кво и стремящихся разрушить его силовым путем. Они выступали за вовлечение Третьего Рейха в нормальные дипломатические отношения и его интеграцию в существующий международный порядок [2]. Также левые утверждали, что приход нацизма к власти в Германии не должен служить оправданием для отказа от разоружения, ведь только подписание всеобщей конвенции по разоружению должно было гарантировать сохранения мира в Европе.

Поскольку опыт прошедших войн – франко-прусской и Первой мировой – заставлял французов воспринимать Германию как основной источник военной опасности в Европе, вопрос франко-германских отношений часто выходил на первый план во внутриполитических дискуссиях в Третьей республике. Так произошло и в случае с приходом НСДАП к власти в Германии. В 1933 году риторика и правых, и левых относительно Германии во многом осталась прежней. Правые писали об агрессивности Германии, её милитаризме и стремлении к реваншу. И хотя в отношении Третьего Рейха этот образ был верен, его ценность очень снижалась тем, что подобную же риторику правые применяли и к Веймарской республике. Поэтому французские левые склонны были рассматривать рассуждения правых о росте германской угрозы как их попытку использовать образ внешнего врага для отказа от разоружения и для возвращения к политике союзов на международной арене, которая неизбежно должна была привести к войне.

Источники и литература

- 1) Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М., 2014. 816 с.
- 2) 30e Congrès du Parti républicain radical et radical-socialiste : tenu à Vichy, les 5, 6, 7 et 8 octobre 1933. 638 p.
- 3) Blum L. Les problèmes de la paix. Paris, 1931. 231 p.
- 4) Dornel L. La fabrication de l'ennemi « héréditaire » allemand (de 1815 à 1914) // Entre traces mémorielles et marques corporelles. Regards sur l'ennemi de l'Antiquité à nos jours. Clermont-Ferrand, 2014. P. 112.
- 5) Gombin R. Les socialistes et la guerre: La S.F.I.O. et la politique étrangère française entre les deux guerres mondiales. The Hague, 1970. 271 p.
- 6) Horling H. L'opinion française face à l'avènement d'Hitler au pouvoir. Première partie. L'opinion française face à la montée du Mouvement National-Socialiste (1930–1933) // Francia. Bd. 3. 1975. P. 584–641.
- 7) Hörling H. L'opinion française face à l'avènement d'Hitler. Deuxième partie: L'opinion française face à l'exercice et à la consolidation du pouvoir national-socialiste (1933-1935) // Francia. Bd. 4. 1976. P. 675–718.
- 8) Merlio G. Les germanistes français et le phénomène prussien // Revue d'Allemagne et des pays de langue allemande. 1987. T. 19. No. 3. P. 287–296.
- 9) Revue des Deux Mondes. 1933. Vol. 14. P. 714.
- 10) Revue des deux mondes. 1933. Vol. 15. P. 234.
- 11) Vaisse M. Sécurité d'abord : la politique française en matière de désarmement, 9 décembre 1930–17 avril 1934. Paris, 1981. 653 p.